

Сегодня «Камертон», следуя традиции ленинградского рок-клуба, отмечает день памяти поэта и музыканта Александра Башлачёва.

Он покинул этот мир без страха и упрека, оставив историю богатого песенного наследия. Саша Башлачёв был одним из рок-музыкантов, соединивших музу рока с культурной национальной традицией. Именно это позволяет нам говорить о явлении, на которое, к сожалению, мало кто обращал внимание при жизни Башлачёва.

Его любили, им умилились, его приглашали играть в концертные залы — и все ж таки он ушел. Лишил себя права кормиться милостями сильных, разделяя удел слабых. Об этом — разговор нашего корреспондента с близким другом Саши — лидером рок-группы «Алиса» Константином Кинчевым. Об этом — его версия ухода в Вечность.

ШАГ В ВЕЧНОСТЬ

Ленинская смена. — Алиса — АТА. — (ВЕРСИЯ) 1990. — 16 февр.

Ему было 27, мне стало 27. Теперь мне 30, ему 30 не станет никогда. Я не знал его, он не знал меня. Мы должны были встретиться, но судьба распорядилась иначе. В тот день, когда его не стало, я праздновал свой день рождения.

Алма-Ата. 16 февраля 1988 г. 7 вечера. Звонок. Кто-то родной и добрый льет в ухо ласку, поздравляя с... Завтра день рождения!

Ленинград. 16 февраля 1988 г. 7 вечера: Звонок. Это ему только кажется. Шнур перерезан еще месяц назад, но кто-то определенно звонит. Он не подойдет к телефону. Два года назад он дал обет молчания. Музыка и стихи рождались теперь толь-

ко в нем самом. В последние дни это переросло в полную немоту. Переводить слова на душевноглухих — слишком большая роскошь. Алма-Ата. 9 вечера. Несчастную дверь шибает с петель два Геракла — кенты, которых не видел год. Пассатижные рукопожатия, смех, шум, индийский чай и крутящаяся лента с «Наутилусом»: «Пьяный врач мне сказал, тебя больше нет...»

Кто бы мог подумать, что через каких-то 10 часов это станет реальностью. Ленинград. 9 вечера. Третий день, как не закрывается дверь. Но ее никто и не открывает. Все устали от Его молчания. Надежда долго моталась по нервам, затем ушла в землю. Вместо нее из-под земли вышла какая-то отравка. Блаженных и юрловых всю жизнь били палками.

И только Александр Градский продолжает нести ночное дежурство. Происходит чудо: Он ставит чайник на плиту — и через минуту вместе с водой закипает наэлектризованная до критической температуры душа. Пузырьки лопнули — обет молчания нарушен. Часа два они говорят. Все на едином дыхании, с наскоку, с жадностью. Проходит еще час, но в тишине. Градский еще не знает, что стал Его последним предсмертным кюре. Алма-Ата. 17 февраля. 2 часа ночи. В голове — баю-баиньки. Завтра праздник, нужно быть в форме. Ленинград. 2 часа ночи. И под сердцем последняя мертвая песня. ...Он перерывает весь дом в поисках спичечного коробка. Не находит его. Голову посещает мысль о смерти. Третий раз за сутки. Находит обломанную спичку, зажигает ее о стену — пламя тухнет. Последний Градский продолжает нести ночное дежурство.

Происходит чудо: Он ставит чайник на плиту — и через минуту вместе с водой закипает наэлектризованная до критической температуры душа. Пузырьки лопнули — обет молчания нарушен. Часа два они говорят. Все на едином дыхании, с наскоку, с жадностью. Проходит еще час, но в тишине. Градский еще не знает, что стал Его последним предсмертным кюре. Алма-Ата. 17 февраля. 2 часа ночи. В голове — баю-баиньки. Завтра праздник, нужно быть в форме. Ленинград. 2 часа ночи. И под сердцем последняя мертвая песня. ...Он перерывает весь дом в поисках спичечного коробка. Не находит его. Голову посещает мысль о смерти. Третий раз за сутки. Находит обломанную спичку, зажигает ее о стену — пламя тухнет. Последний Градский продолжает нести ночное дежурство.

Происходит чудо: Он ставит чайник на плиту — и через минуту вместе с водой закипает наэлектризованная до критической температуры душа. Пузырьки лопнули — обет молчания нарушен. Часа два они говорят. Все на едином дыхании, с наскоку, с жадностью. Проходит еще час, но в тишине. Градский еще не знает, что стал Его последним предсмертным кюре. Алма-Ата. 17 февраля. 2 часа ночи. В голове — баю-баиньки. Завтра праздник, нужно быть в форме. Ленинград. 2 часа ночи. И под сердцем последняя мертвая песня. ...Он перерывает весь дом в поисках спичечного коробка. Не находит его. Голову посещает мысль о смерти. Третий раз за сутки. Находит обломанную спичку, зажигает ее о стену — пламя тухнет. Последний Градский продолжает нести ночное дежурство.

Происходит чудо: Он ставит чайник на плиту — и через минуту вместе с водой закипает наэлектризованная до критической температуры душа. Пузырьки лопнули — обет молчания нарушен. Часа два они говорят. Все на едином дыхании, с наскоку, с жадностью. Проходит еще час, но в тишине. Градский еще не знает, что стал Его последним предсмертным кюре. Алма-Ата. 17 февраля. 2 часа ночи. В голове — баю-баиньки. Завтра праздник, нужно быть в форме. Ленинград. 2 часа ночи. И под сердцем последняя мертвая песня. ...Он перерывает весь дом в поисках спичечного коробка. Не находит его. Голову посещает мысль о смерти. Третий раз за сутки. Находит обломанную спичку, зажигает ее о стену — пламя тухнет. Последний Градский продолжает нести ночное дежурство.

Происходит чудо: Он ставит чайник на плиту — и через минуту вместе с водой закипает наэлектризованная до критической температуры душа. Пузырьки лопнули — обет молчания нарушен. Часа два они говорят. Все на едином дыхании, с наскоку, с жадностью. Проходит еще час, но в тишине. Градский еще не знает, что стал Его последним предсмертным кюре. Алма-Ата. 17 февраля. 2 часа ночи. В голове — баю-баиньки. Завтра праздник, нужно быть в форме. Ленинград. 2 часа ночи. И под сердцем последняя мертвая песня. ...Он перерывает весь дом в поисках спичечного коробка. Не находит его. Голову посещает мысль о смерти. Третий раз за сутки. Находит обломанную спичку, зажигает ее о стену — пламя тухнет. Последний Градский продолжает нести ночное дежурство.

Происходит чудо: Он ставит чайник на плиту — и через минуту вместе с водой закипает наэлектризованная до критической температуры душа. Пузырьки лопнули — обет молчания нарушен. Часа два они говорят. Все на едином дыхании, с наскоку, с жадностью. Проходит еще час, но в тишине. Градский еще не знает, что стал Его последним предсмертным кюре. Алма-Ата. 17 февраля. 2 часа ночи. В голове — баю-баиньки. Завтра праздник, нужно быть в форме. Ленинград. 2 часа ночи. И под сердцем последняя мертвая песня. ...Он перерывает весь дом в поисках спичечного коробка. Не находит его. Голову посещает мысль о смерти. Третий раз за сутки. Находит обломанную спичку, зажигает ее о стену — пламя тухнет. Последний Градский продолжает нести ночное дежурство.

Кончились спички и день-ги.

Ленинград. 5 утра. Протяжный гудок паровоза. Встревая в гудком Невы. Испуганная Невой стая спящих птиц. Заплакавший от птичьего крика ребенок. Проснувшаяся от детского плача мать... Все это стало для Него не проявленным и пленкой никогда не наступившего дня.

Ленинград. 7 утра. Он простил всех врагов и друзей. Ему будет легко улетать.

Алма-Ата. 7 утра. Счастливые лица. Буйные пляски. Вино, женщины, песни. И сумасшедший, усиливающийся с каждой секундой темп пугачевского «Ленинграда»: «Ленинград! Ленинград! Я еще не хочу умирать! У меня еще есть адрес!»

Вспотевшие девочки, сонные мальчики. Не знали мы, что в эти минуты в Ленинграде одним адресом стало меньше.

Ленинград. Неизвестно часов, неизвестно минут. Шаг в Вечность...

КОСТЯ КИНЧЕВ —

— Костя, а ты любил Сашу?

— Любил? Не знаю, наверное.

— А почему же он умер!

— ...! ...!

— Ну бог с ним, не хочешь — не отвечай. Костя, у тебя такие героические фамилии...

— Почему во множественном?

— Потому что на самом-то деле ты Панфилов — разве не звучит? Нет, я понимаю, конечно, в «Кинчеве» больше,

больше грома, силы, азарта и мятежа адского. Кинчев — болгарская фамилия твоего деда — коммуниста, попавшего в тиски сталинизма. Я правильно говорю! (Кивает).

— И все-таки давай о Башлачёве. Я понимаю, трудно, но постарайся,

пожалуйста. Ты считал его близким другом?

— Ну как... У нас была большая тусовка, многих я знал только в лицо. Но Саша был для меня дороже многих. Да, конечно, другом.

— Какие человеческие качества тебя особенно привлекали в нем?

— Все человеческие качества, которые должны быть в каждом нормальном человеке. Он был удивительно цельной личностью.

— Что ты можешь сказать о нем, как о музыканте, как о поэте?

— Сильный музыкант и сильный поэт. Кстати, очень мало почему-то говорят о том, как он играл на гитаре — играл он классно! Очень ритмичный парень был, на барабанах стучал хорошо.

— У вас были совместные выступления?

— Да, что-то вроде пресвятой Троицы — Башлачёв, Слава Задерий и я. Мы любили показывать друзьям акустический спектакль «Егоркина былина», ведь в основном это были просто нормальные дни рождения, посиделки в свое удовольствие.

— Интересно, неужели кураж, свойственный тебе, передался ему?

— Ты просто не знаешь его ранних песен. Многие из них ходили по спискам, а иные, как «Вахтер», вообще на людях не исполнялись. Ведь любой мог окзаться «стукачом».

— А какие общие интересы, помимо музыки, вас связывали?

— Он у меня жил просто, приезжал, когда не

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

где было жить. Если ты помнишь, последние три года он провел в полном материальном прогаре — не было угла, хаты, а порой и куса хлеба. Нет, у него было куда податься — в деревне, неподалеку от Череповца, жили мать с сестрой, но там он не выдерживал и недели, тоска съедала. Чистил снег на станциях, зарабатывая гроши.

— ...Имея диплом журналиста!

— А что ты хочешь? Журналистика — это машина, когда-то сделавшая его своим винтиком. Хорошо, что вовремя одумался. Просто Саша совесть не могла податься в лапы продажных искриотов.

— Значит, у тебя дома ему было...

— ...Хорошо, тепло,

где было жить. Если ты помнишь, последние три года он провел в полном материальном прогаре — не было угла, хаты, а порой и куса хлеба. Нет, у него было куда податься — в деревне, неподалеку от Череповца, жили мать с сестрой, но там он не выдерживал и недели, тоска съедала. Чистил снег на станциях, зарабатывая гроши.

— И все же он был одинок. Вспомни, что пишет Троицкий в своих мемуарах. Постоянные намеки на «переломный момент», изогнувший стабильную линию жизни Башлачёва. Тебе известны причины?

— Да ребята, ну как можно на такие вопросы отвечать однозначно? Если ты чувствуешь в себе что-то, ты сам даже не будешь повторять чью-то ересь. Вся жизнь — причина. Другое дело, что слабину дал.

— А ты пришел «помочь ему встать»!

— Понимаешь, ему просто скучно стало. Он понял все. Хотя в этом то как раз главная его трагедия. Понять до конца нельзя.

— Причину загадочной смерти многие объясняют душевной болезнью Башлачёва, пытаются навязать нам свои далеко идущие выводы о психической неполноценности Саши. Сочиняют версии неврозов, психозов, гомофобий...

— Ну дураков много на земле. Если на них обращать внимание, то, значит, Башлачёв сумасшедший, я — фашист отпетый, понимаешь? Злых людей много, вся грязь от них. И скорее, они, наверное, больны психически, если говорят о таких вещах.

— Саша одним из первых рок-поэтов провел в своих песнях световую религию. Последовало озарение, сначала в виде «осквернения»,

а впоследствии утверждением христианства. Но верил ли он на самом деле!

— Ну, конечно, ты что? Ты еще можешь сомневаться! Ты же понимаешь, о чем эти песни, у него все песни о любви, которую нам Бог принес. Он еще и в беса верил, метался между ними, русская душа.

— Видно, бесу повелось больше, коль с Господом поспорил и Божий завет нарушил.

— Нет, скорее, просто покорился судьбе. Пришел к Богу раньше положенного, с верой в прощение.

— Под Новый год я ездил к нему на Ковалевское кладбище. Запущенные жуткие! Колокольчики сорваны с веток, цветы разбросаны по тропинкам. И портрет деревянный скоро заплачет дождем — столько в нем дыр. Кто-нибудь вообще следит за могилой! Что же наш хваленый рок-клуб думает!

— Я давно был у него. Весной. Все было нормально. Девчонки какие-то березу наряжали, плакали. Что ж поделаешь... Это вы должны приезжать, ухаживать, если вас это греет. Я тоже иногда посещаю могилы друзей, не только Башлачёва. У Мориссона в Париже был недавно — там все в кайф. Елочки, цветочки, мраморная плита.

— Костя, ты часто вспоминаешь Сашу!

— Когда пою «Воздух» — вижу его глаза. Их выражение я не смогу забыть никогда. Если помнишь, Саша сказал когда-то: «Души на небесах держит энергия памяти...».

Материалы подготовил Алексей ГОСТЕВ.

НА СНИМКЕ: А. Башлачёв, К. Кинчев, В. Задерий в любительском спектакле «Егоркина былина».

Фоторепродукция Андрея Лунина.